

После исчезновения в прошлом году доктора Герберта Уэста полиция с пристрастием допрашивала меня. Они полагали, что я что-то утаиваю, а может, подозревали и кое-что похуже, но я так ничего и не рассказал им — услышь они правду, все равно не поверили бы. Они знали, что деятельность Уэста носила несколько необычный характер: его будоражащие воображение эксперименты по воскрешению мертвых велись так давно, что слухи о них не могли не просочиться. Однако финал всей этой истории был настолько ошеломляющим, а разразившаяся катастрофа носила столь демонический характер, что даже мне, много повидавшему, казалось, что я брежу.

Долгое время я был ближайшим другом Уэста, его единственным, посвященным во все тайны ассистентом. Мы познакомились, еще будучи студентами медицины, и я был участником его первых жутковатых опытов. Ему удалось создать раствор, который при введении в вену недавно скончавшегося человек возвращал его к жизни. Подобное занятие требовало изобилия свежих трупов, что приводило иногда к противозаконным действиям. Результаты экспериментов ужасали: Уэст пробуждал к жизни куски омерзительной мертвечины, которая, и ожив, оставалась все той же отвратительной и неразумной плотью. Так повторялось постоянно: ведь для возрождения разума требовалось тело только что испутившего дух покойника, у которого процесс разложения еще не затронул чувствительнейшее вещество мозговых клеток.

Эта бесконечная потребность в свежих трупах и погубила Уэста. Достать их было трудно, и вот в один роковой день он заполучил тело живого и полного сил человека, введя ему сильнодействующий алкалоид, который убил его на месте. Тогда-то и произошел первый удачный эксперимент Уэста — на какое-то время сознание вернулось к покойному, но мой друг заплатил за успех дорогой ценой: душа его омертвела, я уловил это даже по жестокому выражению глаз, порой он оценивающе поглядывал на физически крепких людей, особенно если при этом они отличались тонкой душевной организацией. Со временем, ловя на себе заинтересованный взгляд Уэста, я и сам стал его побаиваться. Люди, не знавшие причин его нового интереса ко мне, заметили мой страх, и после исчезновения Уэста этот факт стал источником нелепых подозрений.

По существу, Уэст был еще больше напуган, чем я: противоестественные деяния превратили его жизнь в сущий ад, он шарахался от каждой тени. С одной стороны, он опасался полиции, но по большей части его страх носил более глубокий и смутный характер и был порожден теми чудовищами, в которых он влил из своего шприца жизнь и которым затем каким-нибудь образом удалось улизнуть. Обычно его опыты заканчивались выстрелом из пистолета, но несколько раз Уэст оказался недостаточно расторопен. Однажды такой монстр сумел как-то выбраться из могилы, вскоре, правда, он снова туда приполз, оставив следы ногтей, разрывавших свежую землю. А один профессор из Архема после воскрешения заделался людоедом, его пришлось отловить и силой засадить в сефтонскую психиатрическую лечебницу, где он, так и не опознанный властями, в течение шестнадцати лет бился головой о стену. О других опытах Уэста даже затруднительно говорить — в последние годы энтузиазм ученого выродился в нездоровую, эксцентричную манию: все свое мастерство он вкладывал не в воскрешение людей, а в оживление отдельных частей человеческого тела, вживляемых им порой в другие организмы. Ко времени своего исчезновения Уэст уже переступил все границы дозволенного: о его многих, поистине дьявольских, экспериментах нельзя было даже упоминать в печати. Этим переменам в деятельности моего друга очень способствовала мировая война, в которой мы оба участвовали как хирурги.

Говоря, что Уэст испытывал смутный страх перед своими чудовищными творениями, я имел в виду прежде всего двойственную природу этого страха. Частично он проистекал от сознания, что кое-кто из этих безымянных монстров бродит на свободе, а частично из опасения, что при определенных обстоятельствах они могут быть опасны для него самого. Усугублялась его

тревога и отсутствием каких-либо сведений о них. Уэст знал судьбу лишь одного — жалкого узника психиатрической лечебницы. Еще один источник смутных волнений возник после совершенно фантастического эксперимента, который Уэст провел в 1915 году, когда служил в канадских вооруженных силах. В самый разгар сражения он воскресил майора Эрика Морленда Клепема Ли, военного хирурга и своего приятеля, который хорошо знал о наших опытах и мог бы сам участвовать в них. У него была отсечена голова, и Уэст имел возможность проверить свою гипотезу о наличии элементов сознания в туловище. Успех поджидал экспериментатора как раз в ту минуту, когда немецкий снаряд попал в здание, где мы ставили опыты. В движениях ожившего туловища явно присутствовала осмысленность, и, пусть это покажется вам невероятным, мертвец заговорил, хотя звуки членораздельной речи, как мы с отвращением поняли, издала отсеченная голова, лежавшая в темном углу лаборатории. Снаряд подоспел, можно сказать, вовремя, хотя Уэст не был до конца убежден, что из-под обломков выбрались только мы двое. Иногда он строил ужасные предположения о том, сколько бед может натворить обезглавленный хирург, умеющий воскрешать мертвых.

Последним местом жительства Уэста был красивый старинный дом, окна которого выходили на кладбище первых поселенцев Бостона. Он остановил свой выбор на этом жилище по причинам чисто символическим: все захоронения на кладбище относились к колониальному периоду и поэтому не представляли интереса для ученого, который нуждался в свежайших покойниках. Расположенная в подвальном помещении лаборатория была выстроена рабочими-иммигрантами; в ней помещалась огромная кремационная печь, в которой быстро и без остатка уничтожались тела, их части, а также искусственные соединения, словом, все то, что оставалось после зловещих экспериментов — безнравственных утех хозяина дома. Рабочие, копая подвал, наткнулись на старинную кирпичную кладку; было ясно, что это ход на кладбище, однако он пролегал так глубоко, что не мог вести ни к какой из известных нам гробниц. Прикинув так и эдак, Уэст пришел к выводу, что ход связан с тайником под склепом семейства Эверилл, последнее захоронение в нем относилось еще к 1768 году. Я присутствовал при осмотре сырых, пропитанных селитрой стен тоннеля, сложенных при помощи одних только лопат и мотыг, и приготовился пережить очередное острое ощущение, сочтя, что мой друг не замедлит покуситься на вековые тайны, сокрытые в гробнице. Но Уэст был уже не тот. Обретенная в последнее время опасливость пересилила природное любопытство, и он, преодолев искуc, приказал рабочим ничего не трогать, а сам ход заложить и заштукатурить. Так этот тайник и оставался, вплоть до той самой ужасной ночи, в тесном соседстве со стенами секретной лаборатории.

Нужно понять, что когда я говорю о деградации Уэста, то прежде всего имею в виду его нравственный, сокрытый от глаз облик. Его внешний вид, напротив, был все тот же: уравновешенный, хладнокровный, худощавый блондин в очках, несколько с возрастом не постаревший — ни годы, ни испытания, казалось, не отразились на нем. Он выглядел невозмутимым, даже вспоминая изрытую когтями могилу или кровожадное существо, которое царапало и грызло решетки в Сефтоне, только непроизвольно оглядывался при этом по сторонам.

Тучи сгустились над Гербертом Уэстом однажды вечером, когда мы сидели в нашем общем кабинете. Читая газету, он иногда поглядывал на меня. На одной измятой странице его поразил заголовок — словно когти безымянного чудовища впились в него спустя шестнадцать лет: в сефтонской психиатрической лечебнице, расположенной в пятидесяти милях от нас, произошло событие невероятное и пугающее, оно потрясло местных жителей и озадачило полицию. Рано утром группа неизвестных в полном молчании вошла в лечебницу: один из них, очевидно, разбудил медицинский персонал. В военной форме, сурового вида, он говорил не разжимая губ, голос его словно бы исходил из большого черного портфеля, который он держал

в руках. Его безжизненное лицо было ослепительно красивым, но когда на него упал свет, управляющий чуть не умер со страха: лицо у пришельца было из воска, а глаза из цветного стекла. По-видимому, он перенес какую-то травму. За ним следовал настоящий гигант, отвратительный гориллоподобный субъект с синюшным лицом, обезображенным непонятной болезнью. Предводитель потребовал, чтобы им выдали привезенного шестнадцать лет назад из Архема монстра с каннибальскими наклонностями, а выслушав отказ, подал своей команде знак, и тут началось нечто несусветное. Дьявольские исчадия крушили все вокруг, избивали и рвали зубами тех служащих, которые не успели скрыться. Они освободили-таки ужасное чудовище и удалились, оставив после себя четыре трупа. Те из пострадавших, которые могли кое-как говорить, не впадая при этом в истерику, клялись, что нападавшие скорее были похожи не на людей, а на роботов, управляемых своим вождем с восковым лицом. Когда наконец подоспела помощь, ни предводителя, ни его безумную команду не удалось разыскать, их и след простыл.

Прочитав эту заметку, Уэст погрузился в глубокую прострацию. Ровно в полночь раздался звонок к дверь, чрезвычайно его напугавший. Слуги спали наверху, и открывать дверь пошел я. Позднее я рассказывал полиции, что на улице не было никакого экипажа, а у дверей стояли несколько странного вида субъектов с большим квадратным ящиком, который они внесли в холл. При этом один из них пробормотал каким-то неестественным голосом: «Экспресс подан». Они вышли из дома гуськом и направились, как мне показалось, к старому кладбищу, с которым соседствовал дом. Уэст спустился вниз и стал рассматривать ящик, когда я уже захлопнул за ними дверь. На ящике площадью около двух квадратных футов были написаны адрес и имя Уэста, а также имя и адрес отправителя: Эрик Морленд Клепем Ли, Сент-Элуа, Фландрия. Несомненно, тот самый доктор Клепем Ли, чье обезглавленное тело Уэст оживил шесть лет тому назад во Фландрии и чья отсеченная голова заговорила как раз в тот момент, когда в наш госпиталь попал немецкий снаряд.

Не могу сказать, что Уэст выглядел взволнованным. Его состояние было намного хуже. Он сказал торопливо: «Мне конец, но сначала нужно сжечь вот это». Взяв ящик, мы понесли его вниз, в лабораторию, прислушиваясь к малейшему шороху. Многого я не помню — неудивительно, если учесть обстановку, — но заявляю категорически: тело самого Герберта Уэста я не сжег, это чудовищная ложь. Вдвоем мы запихнули ящик в печь, так и не открыв его, закрыли заслонку и включили электричество. Из ящика не донеслось ни единого звука.

Уэст первым заметил, как со стены, за которой проходил подземный ход, посыпалась штукатурка. Я хотел было убежать, но он остановил меня. На моих глазах в стене образовалась дыра, из которой пахло ледяным холодом могилы и гнилостным запахом тления. В полной тишине отключился свет, и в отверстии, на фоне фосфоресцирующей преисподней, стали видны некие молчаливо трудившиеся существа, которые могла создать только извращеннейшая из фантазий. Некоторые своими очертаниями напоминали людей, другие напоминали их лишь частично, третьи вообще не напоминали ничего. Более разношерстную компанию трудно было себе представить. Они безмолвно — камень за камнем — разбирали замурованную стену. Когда отверстие стало достаточно большим, один за другим они вошли в лабораторию во главе с вождем, чья несравненной красоты голова была вылеплена из воска. Следовавшее за ним чудовище, во взгляде которого светилось безумие, набросилось на Уэста. Тот не сопротивлялся и не издал даже звука. Тут все они подскочили к нему и прямо у меня на глазах разорвали на куски, которые и унесли с собой в свой отвратительный подземный мир. Воскоголовый вожак в форме офицера канадской армии нес его голову. В голубых глазах моего друга навсегда застыл ужас.

Слуги нашли меня утром без сознания. Уэст исчез. В печи обнаружили непонятного происхождения пепел. Полицейские допрашивали меня, но что я мог сказать? Они не

усматривали связи между сефтонской трагедией и исчезновением Уэста, не верили в ночной приход людей с ящиком. Я рассказал им о подземном ходе, но они со смехом указали мне на неповрежденную стену. Тогда я замолчал. Они решили, что я либо сумасшедший, либо убийца. Может, я и правда сошел с ума. Но этого не произошло бы, не будь эти дьявольские отродья такими молчаливыми.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1012357>